

ная связь напоминает отношения Игоря и Всеволода в «Слове», но роль их различна. В «Слове» Игорь занимает значительно большее место, чем Всеволод. Достаточно указать, что Игорь назван по имени 27 раз, 8 раз упоминаются «Игоревы» полки, раны, стязи, еще несколько раз он просто «князь» или «лада» (в плаче). Между тем Всеволод упомянут лишь 6 раз.

Если обратиться к «Задонщине», то в ней Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич названы вместе 14 раз. Это сочетание объясняется той ролью верного соратника и друга, которую последний играл за все время правления Дмитрия и особенно его ролью в Куликовской битве. Но все же Софоний всегда подчеркивает верховенство Дмитрия тем, что всюду дает ему титул великого князя, тогда как Владимир Андреевич просто «князь». Иерархичность московской поры строго соблюдена. Это строгое соблюдение титулатуры с обязательными отчествами действует на читателя как досадный прозаизм, но оно выражает новую эпоху.

Какая разница между этим московским этикетом и демократическим стилем «Слова о полку Игореве»! Так же как и летописи той эпохи, певец «Слова» чаще всего называет князей просто по имени, без титула и без отчества. Напомним, что своего главного героя он 18 раз называет «Игорь» и лишь 9 раз «князь Игорь» (или «Игорь князь»). Всеволод все 6 раз назван без титула и без отчества, но зато 4 раза с эмоциональными прозвищами «буй тур», «яр тур».

Значительная разница между «Словом» и «Задонщиной» и в отношении к остальным князьям. В «Слове» их очень много и каждый из них ярко обрисован, для каждого поэт находит яркие краски или, по крайней мере, яркий эпитет. Видно, что он княжеский певец, знающий все их отношения и родовые предания, он чувствует себя между ними в своей среде.

Между тем в «Задонщине» «князи руские» выступают как анонимная группа. Они все хором обращаются к Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу со словами: «Господине князь великий, уже погании татарове наступают... а мы, господине, пойдем за быструю реку Дон». Они «гремели мечи булатными о шеломы хиновские», но ни один из них не назван даже по имени. Дальше без имен сказано: «посечены князи руския и воеводы великого князя» и прибавлено: «и князи белозерский», ибо смерть двух белозерских князей — отца и сына — произвела впечатление и отмечена в летописях и сказаниях. Но автор «Задонщины» привел в перечне убитых несколько имен (если это не вставка редактора), и с трудом можно догадаться, что «Федор Семенович» — это князь Федор Романович, а его сын, Иван Федорович, вовсе не назван. Видно, что Софоний передавал по наслышке, не имея под руками точных данных и не интересуясь вовсе удельными князьями. В прощальном счете убитых так же глухо сказано: «нет у нас... 12 князей белозерских», что является крупным преувеличением.

Гораздо больше данных о московских боярах, что согласуется с данными того времени. В укреплении мощи Москвы в XIV в. первое место принадлежит боярам, а не служилым князьям, которых еще было мало. Достаточно указать, что на духовной Дмитрия Донского имеются подписи десяти бояр (все с отчествами) и нет ни одной подписи князя. И в «Задонщине» указано несколько московских бояр с отчествами: Михаил Александрович, Микула Васильевич, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, указаны даже имена некоторых их жен, и именно между ними, а не между женами белозерских или тарусских князей, разделен плач княгини Ярославны.